

ПЕРЕСМЕШНИК

Свита сыграет-таки королеву

открытка правды - 1994 - о чине - с.2

СОЛЖЕНИЦЫН вернулся в Россию — это, как говаривал Макар Нагульнов, факт. Не сказать чтобы многое в любезном Отечестве быстро от этого изменилось, но кое-какие тенденции просматриваются. Главная такая: все больше людей громко заявляют, что всегда любили писателя, а еще больше заявителей считают своим патристическим долгом обнародовать свое отношение к факту возвращения, его своевременности или несвоевременности и дать прогноз. Случаются любопытные коллизии. От надежд на то, что Солженицын укажет имя следующего президента плавно переходят к высказыванию пожелания как раз Солженицына на этой должности видеть.

Ну, понятное дело, свирепствует забывчивость. Например, один мой знакомец, лет пятнадцать назад доверительно рассказывавший, как сразу после выхода «Нового мира» с «Одним днем Ивана Денисовича» черкнул записочку в чека: мол, что же вы делаете, что допускаете? Ведь этот писатель разрушит систему! Нынче мой знакомец про записочку в чека забыл, но помнит, что еще в те времена твердо знал: Солженицын систему разрушит.

Лично мне труднее — никаких оригинальных воспоминаний. В доверительной переписке не состоял, в Вермонт не ездил (из принципиальных финансовых соображений), книги Солженицына прочел только тогда, когда они у нас были изданы. Однако и мне совсем не хочется оказаться в самых задних рядах приветствующей толпы, а потому могу извлечь из услужливо напрягшейся памяти эпизод, связанный, правда, не столько с Солженицыным, сколько с его именем.

БЫЛО ЭТО три года назад в Одессе. Сойдя с трамвая на 11-й станции Большого Фонтана, направился к пляжу, но задержался у книжного развала. Внимание мое привлек небольшой сборничек — А. Солженицын. Повести и рассказы. Стоил он три пятьдесят (уже смешно, верно?), но именно в ту минуту у меня не нашлось и

тройка (качество смешного, похоже, повышается). Повертел, покрутил сборник в руках, положил на место и пошел к морю. А на завтра в тот же утренний час у того же книжного развала держал я в кармане пятерку. Увы, сборник исчез. Мой недоуменный вопрос побудил продавца к пространному ответу.

— А что же вы вчера не купили? Я вас приметил...

Не хотелось признаваться, что вчера я был дешевле тройка, а потому я решил попридуриться — излюбленное занятие, в каковом, не скрою, достиг определенных высот.

— Видите ли, — промямлил я, — книжка стоила дороговато, а автор, кажется, А. Солженицын (я так и произнес — *слитно и нараспев* — «асолженицын») мне не известен. Вечером поспрашивал, мне сказали, что стоящий писатель, вот и решил купить.

— Бросьте! — недоверчиво бросил продавец. — Не известный ему писатель!.. Дурака ваяете?

— Никакого дурака я не ваяю. Про А. Солженицына не слыхал. Вы бы лучше потрудились, милейший, достать из запасника другой экземпляр, потому что хочу его купить.

— Нету у меня другого экземпляра, все продал, — отрезал продавец и, отвернувшись от меня, но зато тыча пальцем в мою сторону, стал обращаться к собравшимся (уже собравшимся!) вокруг. — Вы только посмотрите на него! Он про Солженицына не слыхал! Он хочет познакомиться с асолженицыным...

Как водится, толпа гудела и продолжала обсуждать происшедшее, хотя я уже смылся. На пляж.

Между тем я готов утверждать, что и сегодня с писателем А. Солженицыным знакомы (имею в виду — читали его) далеко не все, кто так приветствует факт его возвращения. И тут, поведайте, нет ничего не только предосудительного, но и удивительного. Вот, скажем, писатель А. Пушкин тоже, казалось бы, известен в России, однако... Например, из трех эрудитов в популярной телеигре на вопрос о том, кому при-

надлежит строка «Уж полночь близится, а Германа все нет», один ответил: «Лермонтову», другой: «Пушкину» и лишь третий вспомнил, что это написал брат Петра Ильича Чайковского. Впрочем, вы и сами можете легко убедиться в моей правоте, попросив друга или подругу назвать — только назвать, а вовсе не читать наизусть! — десять стихотворений Александра Сергеевича. Посмотрите, что из этого выйдет. А можете поставить этот эксперимент на себе, как Пастер, — тоже интересный результат получится; вы только никому о результате не сообщайте.

ПРИЕХАЛ! Приехал!! — крику стоит... Были бы нынче в моде чепчики — непременно все до единого оказались бы подброшены в воздух. А ведь, если вдуматься, в ряду замечательных деяний Александра Исаевича нынешнее — ну никак не самое-самое.

«Архипелаг ГУЛАГ» — великий подвиг, несомненно. «Один день...», «Матренин двор», «Ракетный корпус», «В круге первом» — очень хорошие и сильные (на мой взгляд, именно очень сильные и хорошие, а вовсе не гениальные) произведения. «Красное колесо»... Спросите себя и любопытствуйте у своих друзей и знакомых: читали ли?

Хотя, конечно, читать Солженицына — нелегкий душевный труд. А тут приехал — на это реагировать куда легче.

Бытует такое театральное выражение: «Королеву играет свита». Имеется в виду, что даже если роль монахини исполняет выдающаяся актриса, но люди свиты поглядывают на нее, словно на домработницу, настоящего театра не получается. В нашем случае свита играет о-го-го! Коли не брать в расчет одного паренька-студента, который осмелился пред ликом Александра Исаевича сказать, что тому не следовало бы претендовать на место и роль пророка (этот дивный диссонансирующий эпизод увидели мы по каналу НТВ), то все остальное — блеск. И маршрут («И на Тихом океане свой мы начали поход»), и встречи-ми-

тинги, и спецвагоны, и мобилизованная милиция, и журналистская сотня (или сотни?), в коей привилегированные партии из аглицкого ТВ качают эксклюзивные права, и проч., проч., проч.

Разумеется, наперебой политические партии и группы высылают на восток своих эмиссаров для выражения спецвосторга или, на худой конец, спешные приветственные депеши. (Даже «Выбор России» — это при том, что Солженицын, говоря о гайдаровских реформах, употребил эпитет «безмозглые»). Все желали бы притянуть нобелевского лауреата на свою сторону — грубо говоря, нажить на нем или хотя бы не отстать от других. Э-эх... Все обманутся! Однако же шум поднялся такой, что, кажется, и сам Александр Исаевич значительно приподнял самооценку — а ведь и прежде ее заниженной назвать было трудно.

Впрочем, обмануться может и он сам. Надо знать российскую публику. Если от Владивостока до Москвы ехать медленно, действительно увидишь и узнаешь многое — особенно через хорошо вымытые и протертые стекла спецвагона. Если память не подводит, Александр Радищев и в более коротком пути, едучи в обычном экипаже, успел такого насмотреться и наразмышлять, что потом императрица его в далекую ссылку отправила. Но это насчет увидеть и узнать. А вот интерес публики, тот слишком долгого путешествия не равен час не выдержит. Что тогда делать будем? Как скликать народ перепрестольной на встречу?

Я ВОТ ДУМАЮ: как же это Владимир Войнович в своей книге «Москва 2042» сумел так точно и живо предугадать — с приездом-то. С возвращением. Только у него Сим Симыч возвращался, кажись, на белом коне. С конем вышла ошибка. Бывает. С конями даже Каспаров и Карпов иной раз ошибаются.

Леонид ГВОЗДЕВ,
любитель изящной

словесности и телевидения.